

Каширина М. М., Семиколенова Е. И.,

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ГРАНИЦ МОТИВАЦИИ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ

У статті розглядаються різні підходи до визначення мотивації в словотворенні, зокрема, пропонується залучати факти як синхронії, так і діахронії. Це дозволить розмежувати поняття мотивації та похідності, що доцільно при описі емоційного і культурного «шлейфу» лексики російської мови.

Ключові слова: мотивація, похідність, синхронічний аспект, діахронічний аспект.

В статье рассматриваются различные подходы к определению мотивации в словообразовании, в частности, предлагается привлекать факты как синхронии, так и диахронии. Это позволит разграничить понятия мотивации и производности, что целесообразно при описании эмоционального и культурного «шлейфа» лексики русского языка.

Ключевые слова: мотивация, производность, синхронический аспект, диахронический аспект.

The paper discusses the various approaches to the definition of motivation in word formation, in particular, are encouraged to include facts in both synchronous and diachronic. This allows to distinguish between motivation and derivatives, it is appropriate to describe the emotional and cultural «plume» Russian vocabulary.

Keywords: motivation, derivation, synchronic aspect, diachronic aspect.

Одной из основ теории словообразования является феномен мотивации. Однако до сих пор в лингвистике нет её однозначного определения. Часто используется целый ряд синонимов: мотивированность, мотивировка, мотивирование, мотивизация, мотив, внутренняя форма слова, этимон, этимема, выводимость значения, производность. Установление сущности мотивации имеет долгую историю, в ходе которой накоплен большой теоретический и практический опыт. Это нашло отражение в рамках различных лингвистических дисциплин: лексикологии, синхронного и исторического словообразования, ономастологии, этимологии, общего языкознания, номинации. Тем не менее, вопрос о сущности мотивации остается открытым.

Впервые термины *мотивированность*, *мотивированный* употребил Ф. Соссюр в «Курсе общей лингвистики»: «*Не существует языков, где нет ничего мотивированного; но нелегко себе представить и такой язык, где мотивировано было бы все. Между двумя этими крайними точками – наименьшей организованностью и наименьшей произвольностью – можно найти промежуточные случаи. Во всех языках имеются двоякого рода элементы – целиком произвольные и относительно мотивированные, – но весьма в разных пропорциях, и эту особенность языков можно использовать при их классификации*» [14, с. 165]. Позже мотивированность связали с производностью и начали рассматривать как свойство производных слов. Началом такого употребления термина стала опубликованная в 1946 г. статья Г. О. Винокура: «... *есть слова, по структуре своей составляющие вполне условные обозначения соответствующих предметов действительности, и слова, составляющие в известном смысле не вполне условные, мотивированные обозначения предметов действительности, причем мотивированность этого рода обозначений выражается в отношениях между значащими звуковыми комплексами, обнаруживающимися в самой структуре этого рода слов. Эти слова и суть слова с производными основами*» [4, с. 421].

Термин *мотивация* для обозначения синхронных словообразовательных связей утвердился в 1962 г. после публикации книги М. Докулила «*Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov*» [15, с. 6]. Это дало начало исследованиям проблем словообразовательной мотивации (О. И. Блинова, Н. Д. Голев, И. С. Улуханов, И. А. Ширшов). Однако в некоторых работах (Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова) встречается и другой термин – *производность*, который привлекается в качестве синонима. Так, в учебнике «Современный русский язык» есть разделы (автор Е. А. Земская), в названиях которых употреблен термин мотивация: «*Отношения метафорической мотивации*» [13, с. 136]; «*Отношения периферийной мотивации*» [13, с. 137], но в самих этих разделах, как и во всем учебнике, употребляется только термин производность: «*В тех случаях, когда производное слово основывается на переносных (метафорических) значениях производящего, их связывают отношения метафорической производности*» [13, с. 136]; «*Для слов, связанных отношениями периферийной производности, характерен семантический компонент «в том числе»*» [13, с. 137]. Таким образом, Е. А. Земская, выделяя виды формально-семантических отношений, ставит знак равенства между производной и мотивированной, производящей и мотивирующей основами.

И. С. Улуханов разводит понятия производность и мотивированность, поскольку отмечает, что синхронные словообразовательные отношения не всегда тождественны пути образования слова. Учёный предлагает следующую типологию отношений между производностью и мотивированностью:

1. Слова, имеющие производящее и мотивирующее;

Эта группа делится на две подгруппы. Первая – слова, у которых производящее и мотивирующее совпадают: *зима* → *зимой*. Исследователь отмечает, что «*при тождестве мотивирующего и производящего могут быть не идентичны синхронная структура и диахронический способ словообразования*» [15, с. 23]. При наличии у слова нескольких производящих может сохраниться мотивация лишь одним из них. Вторая подгруппа – слова, образованные от одного слова, но мотивированные другим. Среди них различаются слова, у которых смена мотивирующего не сопровождалась изменением фонемного состава (например, *горький* → *горчить* → *перегорчить*, *погорчить*), и слова, у которых изменение фонемного состава имело место в результате семантических изменений у мотивированного слова (сущ. *свидетель* по происхождению связано с *вѣдѣти*, но в дальнейшем стало связанным с *видѣти*).

2. Слова, не имеющие производящего, но имеющие мотивирующее;

Такие слова можно разделить на две группы.

2. 1. Слова, имевшие в прошлом в русском языке производящее, но утратившие его.

Так, существительное *валежник* «сухие сучья, деревья, упавшие на землю» было образовано от имеющегося только в диалектах слово *валеж* «лес, порубленный с весны», а мотивируется глаголами *валить*, *валиться*, от которых было образовано и производящее *валеж*. В результате подобных процессов в слове возникают новые словообразовательные форманты: например, сложный суффикс *-ежник*, поскольку оба словообразовательных акта *валить(ся)* → *валеж* и *валеж* → *валежник* осуществлялись с помощью суффиксации.

2. 2. Слова, не имевшие производящего.

Например, глагол *мордовать* «избивать» образован от польск. *mordować*, однако синхронно ассоциируется с существительным *морда*.

3. Слова, имеющие производящие, но не имеющие мотивирующего.

Это слова, пережившие процесс дестимологизации и переставшие соотноситься с сохранившимися словами, от которых они были образованы. Например, *кусать* → *кусок*, *кадык* → *закадычный*, *еж* → *ежиться*, *палата* → *палатка*. Данное явление исследовали Л. А. Булаховский, Т. Г. Аркадьева, О. П. Ермакова и др.

4. Слова, не имеющие ни производящего, ни мотивирующего.

С синхронной точки зрения эта группа делится на членимые: *говядина*, *запрячь*, *вложить* и нечленимые слова: *хитрый*, *вода*, *сын*.

В «Русской грамматике» – 1980 (авторы раздела – В. В. Лопатин и И. С. Улуханов) мотивация рассматривается как основа словообразования. Следует учесть, что в данной работе процессы словообразования исследуются в синхронии, диахронный аспект во внимание не берется. В связи с этим М. Ф. Лукин считает замену термина *производность* на *мотивацию* неправомерной. Он полагает, что диахрония присутствует в самой синхронии, хотя это присутствие далеко не всегда ощутимо [9, с. 97]. Как образец сочетания синхронии и диахронии исследователь называет книгу В. В. Виноградова «Русский язык: Грамматическое учение о слове».

В. В. Виноградов с понятием мотивированности связал определение внутренней формы слова: «*Мотивированность значений слов связана с пониманием их строя, с живым сознанием семантических отношений между словесными элементами языковой системы*» [3, с. 17]. В данном определении мотивированность лексической единицы обусловлена тремя факторами: 1) фактором ее структуры («*строя*»); 2) фактором системы, системных отношений; 3) фактором языкового сознания. «*Различия между мотивированными и немотивированными словами, – продолжает ученый, – обусловлены не только грамматическими, но и лексико-семантическими связями слов. Тут открывается область новых смысловых отношений в структуре слова, так называемых «внутренних форм слова»*» [3, с. 17].

Концепция В. В. Виноградова оказалась созвучной взглядам О. И. Блиновой: «*Внутренняя форма слова – средство, способ реализации в слове его мотивированности: лексической (результат мотивации однокорневой лексической единицей) и структурной (результат мотивации одноструктурным или одноструктурными образованиями)*» [2, с. 28]. Исследовательница дает толкование мотивированности как «*структурно-семантическому свойству слова, позволяющему осознать обусловленность связи его звучания и значения на основе соотносительности с языковой или неязыковой действительностью*» [2, с. 19].

Н. Д. Голев полагает, что внутренняя форма слова и мотивированность связаны: «*Внутренняя форма слова – выраженный мотивировочный признак, содержание которого есть её значение*» [5, с. 12]. Для ученого мотивация – одна из сторон процесса деривации, особая форма функционирования слова.

М. Н. Яценецкая, З. И. Рязанова [17, с. 17] указывают, что, кроме деривационно-номинативной, внутренняя форма слова выполняет и системообразующую функцию, являясь основой межлексемных мотивационных отношений, и благодаря этому, представляет собой тот элемент, посредством которого осуществляется связь диахронного и синхронного состояния деривационной системы языка.

Л. Р. Зиндер утверждает, что под мотивированностью в языкознании понимается семантический анализ означаемого, семантическая структура знака или его внутренняя форма [6, с. 347]. К такому же выводу приходят и Н. В. Гяч, В. М. Павлов, Н. Г. Комлев, А. В. Кунин, В. М. Лейчик.

И. А. Ширинов предлагает закрепить за термином *мотивированность* значение «*семантическая выводимость*» [16, с. 51]. Во-первых, понятие «*семантическая выводимость*» шире понятия производности. Например, слово *обод* подверглось формальному опрощению, а семантические связи со словом *обвести* – *обводить* сохранились, ср. *обод* – *металлическая пластинка, охватывающая, обводящая колесо*. Это слово уже непроизводное, но еще мотивированное. Во-вторых, семантика слова, ввиду своей подвижности, обладает способностью к изменениям от отчетливости до ассоциативности, а слово обладает своей шкалой мотивированности. В-третьих, мотивированность имеет свою систему измерения и типологию.

Однако ученые Е. В. Комина, М. Д. Степанова и И. И. Чернышева придерживаются иной точки зрения. Для них мотивированность – понятие синхронное и её не следует путать с этимологией. С этим мнением согласен Т. Р. Кияк, который говорит о том, мотивированность – это количественная и качественная характеристика внутренней формы: «*Внутренняя форма /хотя бы исторически/ присуща любой лексической единице, в то время этимология слов не способствует обнаружению мотивированности*» [7, с. 68].

Обычно мотивацию рассматривают в синхронии или диахронии, однако О. П. Ермакова и Н. Ю. Санникова производность и мотивированность относят к явлениям современного языка, но дают им разное толкование: «*... второе понятие [производность] шире первого [мотивация]: анализируя дериват с точки зрения семантики, целесообразнее говорить о его мотивированности (план содержания), с формально-семантической точки зрения – о его производности (план выражения и содержания одновременно)*» [10, с. 3].

В середине 80-х годов мотивация становится частью теории номинации и начинает рассматриваться в ином, онтологическом, ракурсе. Мотивация – понятие и словообразования, и теории номинации, поэтому оно имеет два аспекта: лингвистический (главный) и онтологический (в связи со способами отражения признаков именуемого объекта). Источниками мотивации считаются либо внеязыковая действительность, либо внутриязыковые семантические отношения. Следовательно, под мотивацией понимают, с одной стороны, выбор языкового материала для обозначения признака предмета из уже существующего в языке состава морфем (В. А. Звегинцев, А. И. Смирницкий): «*Ощущение носителями языка формально-семантической ассоциативной связи данного слова с другими членами словаря*» [8, с. 65]; с другой стороны, выбор признака предмета, который становится представителем предмета в целом (Р. А. Будагов, И. В. Арнольд).

Ряд определений объединяет оба аспекта: мотивация – не только выбор признака обозначаемого предмета, но и включение мотивированной связи нового слова с его предшественниками в язык (Н. М. Шанский) или выражение в слове признака называемого предмета, используемое в качестве названия данного предмета в целом (Н. М. Амосова).

И. С. Топорцев, который одним из первых ввел мотивацию в сферу ономазиологии, определяет её как «*свойство слов, по которому носитель языка может судить об оправданности, рациональности, объяснимости, понятности связи значения и звуковой оболочки в каждой данной лексической единице*» [8, с. 33]. Ученый различает понятия «мотивировка» и «мотивированность». Понимая под мотивировкой процесс, связанный с производством новых лексических единиц, автор предлагает рассматривать ее с точки зрения говорящего, точнее, создающего лексическую единицу. Мотивированность же, связанную с функционированием языка, предлагается изучать с позиции слушающего, со стороны пользующегося лексической единицей. При этом мотивировка и мотивированность оказываются необходимыми этапами номинации как процесса и номинации как результата соответственно.

Когнитивный аспект исследования процессов номинации позволил установить, что при создании номинативных единиц включаются различные психические механизмы и познавательные возможности сознания. В связи с этим появляется новая трактовка мотивации как лингвопсихоментальной операции. Так, Е. А. Селиванова считает: «*Мотивация – это сквозная для модели порождения психоментальная операция, результатом которой является семантико-ономазиологическая зависимость языковых знаков (производного и производящего), возникающая на основе сложной системы коннекций концептов человеческого сознания*» [11, с. 158]. В монографии «Когнитивная ономазиология» исследовательница описала методику и принципы когнитивно-ономазиологического анализа. Этот подход позволил расширить границы определения наименования слова.

Проведенный анализ дал возможность сделать следующие выводы. отождествлять мотивацию и производность далеко не всегда целесообразно. Мотивация – результат глубинной психоментальной операции, который позволяет объяснять ассоциативно-образные, метафорические связи мотивированных и мотивирующих, однако она не касается структуры слова. Производность – понятие более широкое, чем мотивация, поскольку затрагивает семантический и формальный планы словообразования. Тем не менее, довольно часто анализа только производности недостаточно. В русском языке многие слова имеют эмоциональный и культурный «шлейф», поэтому для понимания их значения необходимо обращаться и к синхронии, и к диахронии одновременно. Например, только благодаря знанию исторических фактов можно определить происхождение глагола *простоволоситься* – «в старину считалось предосудительным женщине ходить с непокрытой головой, простоволосой» [12]. Только жизненный опыт поможет установить мотивацию слова *обезьянничать* – «как и обезьяна слепо, бессмысленно подражать кому-либо, перенимать чью-либо манеру поведения, копировать кого-либо» [12]. Знание басен И. А. Крылова позволит выявить связь между глаголом *стрекозить* и существительным *стрекоза* («Стрекоза и Муравей»).

В русском слове причудливым образом отразилась история и богатая культура, социальные и духовные ценности, этические нормы и эстетические предпочтения. Именно поэтому в словообразовании иногда трудно разделить диахронный и синхронный аспекты. Мы присоединяемся к точке зрения ряда ученых, которые отмечают, что «интеграция описания синхронического и диахронического словообразования менее распространенная, чем их изолированный анализ, однако более перспективная и необходимая» [15, с. 19]. Во многих случаях такой комплексный подход к анализу слова помогает выявить особенности соотношения мотивации и производности, их взаимодействия. Это поднимает исследование на более высокий уровень, объединяя процессы номинации и словообразования, ибо человек, «одевая» окружающий мир в слово, не остается равнодушным, и в поиске новых наименований, обращается к уже имеющимся знаниям и опыту, которые закреплены в языке.

Литература:

1. Блинова О. И. Мотивология и её аспекты / О. И. Блинова. – М. : Красанд, 2010. – 304 с.
2. Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект / О. И. Блинова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 208 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – М. : Русский язык, 2001. – 720 с.
4. Винокур Г. О. Заметки по русскому словообразованию / Г. О. Винокур // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1959. – 421 с.
5. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации / Н. Д. Голев. – Томск : Изд-во ТГУ, 1989. – 252 с.
6. Зиндер Л. Р. Условность и мотивированность языкового знака / Л. Р. Зиндер // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М. : Учпедгиз, 1971. – С. 26-37.
7. Кияк Т. Р. Мотивированность лексических единиц (количественные и качественные характеристики) / Т. Р. Кияк. – Львов : Издательское объединение «Вища школа», 1988. – 161 с.

8. Комина Е. В. Мотивация как лингвистическое явление / Е. В. Комина // Семантика и структура слова. – Калинин : Издательство Калининского университета, 1984. – С. 54-61.
9. Лукин М. Ф. К вопросу о взаимосвязи синхронии и диахронии в словообразовании / М. Ф. Лукин // Филологические науки. – М. : Просвещение, 1997. – С. 89-98.
10. Санникова Н. Ю. Мотивированность и производность слов в современном русском языке: Методические рекомендации / Н. Ю. Санникова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2006. – 17 с.
11. Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология / Е. А. Селиванова. – К. : Издательство украинского фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.
12. Словарь русского языка: В 4-х т. [Электронный ресурс] // [ред. А. П. Евгеньева] – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp>.
13. Современный русский язык [Белошапкина В. А., Земская Е. А., Милославский И. Г., Панеев М. В.]; под ред В. А. Белошапкиной. – М. : Высшая школа, 1981. – 560 с.
14. Соссюр. Ф. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию. – М. : Прогресс, 1977. – 273 с.
15. Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И. С. Улуханов. – М. : ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 314 с.
16. Ширшов И. А. Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке / И. А. Ширшов. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. ун-та, 1981. – 152 с.
17. Янценецкая М. Н. К проблеме внутренней формы слова / М. Н. Янценецкая, З. И. Рязанова // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Проблемы семантики. – Томск : Издательство Алтайского университета, 1991. – С. 17-32.